

ГЛАВА 28. НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ

После обеда Чжан Бинь сопровождал Цинь Бао в студию режиссёра Мэна. Всю дорогу он хранил молчание.

Остановившись на красный свет, Чжан Бинь мельком взглянул в зеркало заднего вида: парень увлечённо листал что-то в телефоне, едва заметно и мягко улыбаясь.

***

В это же время на съёмочной площадке стояло сорокаградусное пекло. Вэнь Жунси, облачённый в тяжёлые меха, вышел из ворот дворца. Над ним держали зонт с изящным узором в виде журавлей, рядом семенила служанка в алом платье, а сам он сжимал в руках грелку из пурпурного золота — разумеется, без углей внутри. Иначе он, вероятно, просто бы взорвался от перегрева.

Навстречу ему в строгом чиновничьем облачении шёл Го Хуйжо. Их пути должны были пересечься.

По сценарию Го Хуйжо не должен был смотреть на него, но в момент столкновения он всё же не выдержал и слегка повёл головой — этот мимолётный жест требовалось снять крупным планом.

— Стоп! — голос режиссёра Гу Ляньхая был настолько мрачным, что казалось, с его лица сейчас хлынет ливень.

Вся съёмочная группа замерла в страхе. Над этим кадром бились с одиннадцати утра, но до сих пор ничего не выходило. И эта попытка не стала исключением.

Гу Ляньхай глубоко вдохнул. Он не стал орать во всё горло, как минуту назад, а лишь поманил Го Хуйжо к себе, выдавив подобие миролюбивой улыбки.

— Есть прогресс по сравнению с прошлым разом, но взгляд всё ещё не тот. Сначала посмотри сам.

Гу Ляньхай позволил актёру подойти к монитору и оценить собственную игру.

Вэнь Жунси в это время жадно пил воду. Лоб его блестел от пота. Жарко было всем, но ему — тяжелее остальных из-за многослойного костюма. В такую погоду даже просто держать мех в руках было пыткой, не то что носить его на себе.

Актёр уже скинул верхнюю мантию; гримёр поспешил поправить макияж, а Ци Цин поднесла

ему холодный отвар из зелёных бобов.

— Отдохни пока.

Раз режиссёр дал команду, Вэнь Жунси понял: сейчас Го Хуйжо будут «разжёвывать» роль, помогая войти в состояние. Со спокойной совестью он устроился в кресле. Вентиляторы работали на полную мощность, но против зноя они были бессильны: пот выступал мгновенно, и тональный крем на лице уже начал «плыть».

Сделав несколько глубоких вдохов, Вэнь Жунси почувствовал, что жар отступает от лица, и замер, отдаваясь в руки гримёра.

Вдруг на телефон пришло уведомление о денежном переводе. Вэнь Жунси едва не рассмеялся вслух.

Кто это такой смелый, что решил прислать ему «красный конверт»? Он-то думал, у него на лбу крупными буквами написано: «Денег куры не клюют».

Бао: Учитель, вы сейчас на съёмках?

Вэнь Жунси едва заметно поморщился.

Несравненный господин Вэнь: Да, на площадке. Что случилось?

Бао: Спасибо, что вчера угостили меня вкусным ужином. Как-нибудь я свожу вас в одно своё секретное местечко.

Несравненный господин Вэнь: Хорошо. Когда будешь свободен?

Бао: Как скажете. Только предупредите за день.

Несравненный господин Вэнь: Договорились.

Выслушав рассказ Лоу Фэй о прошлом Вэнь Жунси, Цинь Бао сразу почувствовал непреодолимое желание позвонить ему. Но он не мог. О чём говорить? Признаться, что подслушал чужие сплетни, и позвонить с соболезнованиями?

Времена изменились. Нынешний Вэнь Жунси давно перестал быть тем жалким, брошенным семьёй мальчишкой. Прошлое осталось в прошлом.

И всё же Цинь Бао было трудно сдержать душевный порыв. В итоге он отправил этот

символический подарок. Он не ожидал, что Вэнь Жунси ответит так быстро — видимо, выдалась минутка отдыха. Непонятно почему, но от этих нескольких лаконичных фраз ему стало очень тепло на душе. Радость была тихой, тайной — такой, которой нельзя ни с кем поделиться. Точно так же он не мог рассказать, что он — тот самый Ли Мин, маленький мальчик, чью учёбу Вэнь Жунси когда-то полностью оплатил.

Для Вэнь Жунси это, возможно, было сущим пустяком, но для него, Ли Мина, это стало делом всей жизни.

Через мгновение телефон снова завибрировал.

Несравненный господин Вэнь: Умница.

Цинь Бао замер. Что это значит?! Ему хотелось и смеяться, и возмущаться одновременно, но он сдерживался, чтобы ассистент за рулём не принял его за сумасшедшего. Минуты две он сверлил глазами это единственное слово, потом пролистал их переписку вверх. Раньше сообщения казались обычными, но теперь в них чудилось какое-то непередаваемое послевкусие.

***

За десять минут до назначенного времени, следуя адресу от Лоу Фэй, Цинь Бао и Чжан Бинь прибыли к студии режиссёра Мэна.

Это был небольшой дворик, пропитанный духом старины. Над входом висела деревянная табличка осенних тонов с двумя иероглифами: «Вэньчань».

Свернув за дверью направо, они оказались в длинном узком коридоре. Толстый ворсистый ковёр полностью поглощал звуки шагов. В конце коридора стояла женщина и разговаривала по телефону. Заметив Цинь Бао, она закончила разговор и, широко улыбнувшись, уверенно зашагала им навстречу.

— Пришли?

Мэн Цююй была облачена в льняное платье кремового цвета с акцентом на талии — образ в духе утончённого артистизма. Она была очень стройной, высокой и белокожей.

Окинув Цинь Бао оценивающим взглядом, Мэн Цююй протянула руку и представилась:

— Я Мэн Цююй. Режиссёр Мэн — мой третий дядя. Он сейчас прилёт отдохнуть, так что, пожалуйста, проходите за мной. Выпьем чаю, подождём его. Знаете, чем старше люди становятся, тем больше в них детских капризов. Если я его сейчас разбужу, он потом будет ворчать весь вечер, а я с этим не справлюсь.

Голос Мэн Цююй звучал звонко и бодро, в нём чувствовалась открытость и энергия.

Когда они уселись, она первым делом осыпала Цинь Бао комплиментами по поводу его внешности и завязала непринуждённую беседу. Она оказалась прекрасным собеседником: она легко перескакивала с темы на тему, и Цинь Бао, поначалу немного нервничавший, быстро расслабился.

Примерно через полчаса в комнату бодрым шагом вошёл режиссёр Мэн.

— Прошу прощения, Сяо Цинь, заставил тебя ждать.

— Что вы, мы с сестрой Цююй отлично пообщались.

Мэн Цююй лучезарно улыбнулась и поднялась:

— У дяди чайная зависимость, пойду заварю. Цинь Бао, что будешь? Молочный чай, кофе или, может, обычный чай?

— Пожалуй, кофе. — Подумав о том, что вечером ещё идти на занятия в компанию, он решил, что кофе будет в самый раз.

— Какой именно?

— Блю Маунтин, если можно. Спасибо.

Чжан Бинь тактично удалился в соседнее помещение посмотреть, как работают другие сотрудники студии — при входе он заметил одного из учеников режиссёра за столярным делом.

— Ты наверняка внимательно изучил сценарий. Принёс биографию персонажа, которую я просил составить? — спросил Мэн.

Цинь Бао достал свои записи, над которыми корпел последние дни. Режиссёр углубился в чтение, не проронив ни слова. Он тоже молчал, не отвлекаясь на телефон, и терпеливо ждал.

— Заметки отличные, — наконец заговорил Мэн. — Но помни: статус этого героя меняется. Для сцен детства мы уже нашли маленького актёра, через пару дней я вас познакомлю, чтобы вы привыкли друг к другу. Ему семь, он сыграет период с пяти до десяти лет. Твой персонаж охватывает возраст от пятнадцати до сорока пяти. Гримёры, конечно, постараются, но тебе самому нужно это прочувствовать. Особенно четвёртый этап — его семейную жизнь. Из-за изъянов в воспитании и детских травм он будет вести себя специфически. Цзян Фаньцзян, или просто Сяо Цзян в детстве, страдает тугоухостью на одно ухо. В приюте он очень дружен с

маленькой девочкой — единственной в детском доме с ДЦП. Над ней постоянно издевались. Когда Фаньцзяню было пять, он впервые заступился за неё, и с тех пор старшие дети начали травить их обоих.

Режиссёр говорил терпеливо, выстраивая в сознании Цинь Бао полную картину жизни Цзян Фаньцзяня.

— До того как потерять семью, Фаньцзян рос в атмосфере любви. Родители воспитали его честным, добрым и смелым мальчиком. В приюте он отдавал этой девочке всё лучшее, что у него было, хотя она не всегда могла ему ответить.

В рассказе режиссёра образ сироты, низвергнутого из рая в ад, становился всё более осязаемым.

Фаньцзян поверял этой девочке свои сокровенные мысли, рассказывал о прежнем доме. Но когда она утонула в приютском бассейне, он замкнулся в себе. К тому моменту он пробыл в приюте всего полгода, и вскоре его усыновили.

— Фаньцзян стал свидетелем смерти сестры. Её убили, но правду скрыли. Он несколько раз пытался рассказать об этом директору, но кто поверит пятилетнему ребёнку? Один учитель провёл с ним долгую беседу. После неё он сделал вид, что верит мальчику, но дал ему целый рюкзак сладостей, которых не было у других детей, и велел забыть об этом. В тот момент Фаньцзян что-то осознал. Понял горькие негласные правила этого мира. А через несколько дней при активном содействии того самого учителя документы на усыновление были оформлены, и мальчик покинул приют.

— В новой семье отец был холоден. К чужому ребёнку он ничего не чувствовал: давал деньги на учёбу, кормил, одевал, но не дарил тепла. Приёмная мать, напротив, полюбила его как родного, но Фаньцзян так и не смог открыться ей полностью — так, как когда-то той девочке в приюте.

— Он боялся, — вставил Цинь Бао.

— Верно. Он был мал, но инстинкт самосохранения подсказывал ему: не привязывайся слишком сильно. Смерть родителей, гибель названной сестры... В его подсознании укоренилась мысль: те, кого он любит, обречены.

Режиссёр Мэн не упускал ни одной детали, слой за слоем обнажая личность героя. Его низкий, спокойный голос вёл Цинь Бао за руку, позволяя коснуться самой сути персонажа, пока перед глазами не возникло лицо человека, смотрящего на мир с надеждой и смертельным страхом одновременно.

Мэн Цююй принесла чай и кофе, ненадолго прервав их.

В течение всего разговора Цинь Бао почти не перебивал, только слушал. Он понял, что режиссёр Мэн — человек глубоко чувствующий. Он не анализировал персонажа с технической точки зрения, а рассказывал о нём как о соседе, живущем за стеной.

Когда Цинь Бао пришёл в себя, было уже четыре часа дня.

— О деталях съёмок и диалогах поговорим позже. Сегодня я хотел просто увидеть твой настрой. Этот сюжет основан на реальных событиях, люди ждут этот фильм, поэтому я так тщательно провожу подготовку, — улыбнулся Мэн. — Если будет время, заходи, будем «притираться». Я верю, что спешка только вредит качеству.

— Спасибо за наставления, режиссёр. Я ещё раз всё обдумаю. — Цинь Бао встал, собирая вещи, и допил последний глоток кофе.

— Если возникнут вопросы — звони. Второго числа следующего месяца — открытие, третьего — начало съёмок. Твой агент сказала, что открытие выпадает на субботу, так что приезжай сразу третьего. Условия проживания там будут попроще, чем дома, так что придётся потерпеть. — Мэн похлопал парня по плечу.

Цинь Бао смущённо улыбнулся:

— Это мне нужно у вас учиться. Надеюсь, вы будете строги со мной. Мне нужно много работать, чтобы не тянуть группу назад.

— Будем учиться и расти вместе, — добродушно отозвался режиссёр. — Главное — не робей. Верь в свою игру, а если что-то пойдёт не так — поправим. Группа — это команда, и хороший фильм — результат общего труда. Не взваливай на себя слишком тяжёлую ношу.

Цинь Бао поспешно закивал. На выходе их догнала Мэн Цююй. Она протянула ассистенту упаковку кофейных зёрен и, взглянув на Цинь Бао, мягко произнесла:

— Вы с дядей неплохо поладили. Ты сказал, что кофе вкусный — вот, возьми с собой. Заходи как-нибудь ещё, давно не видела, чтобы он с кем-то так долго беседовал.

Режиссёр Мэн не был похож ни на кого из тех, с кем Цинь Бао сталкивался раньше. Он был скорее философом, мудрым наставником, и общение с ним приносило истинное удовольствие. Было видно, что он вкладывает душу в создание настоящего, живого Цзян Фаньцзяна.

Цинь Бао даже немного позавидовал его спокойному и вдумчивому отношению к жизни. Уходя, он обернулся: режиссёр Мэн уже безмятежно кормил птиц.

***

По обыкновению, в субботу предстояли съёмки прямого эфира «Семьдесят два часа», и уже в пятницу в сети начался очередной ажиотаж. В этот день у Цинь Бао как раз выдалось свободное время: закончив тренировку, он уселся на мат, скрестив ноги, и на пять минут заглянул в Weibo.

И снова он был на третьем месте в топах.

Хэштеги #ВэйИвэйЦиньБао# и #ЦиньБаоЮйЦи# шли плечом к плечу, занимая третью и четвёртую строчки. Оказалось, его шипперят и с мужчинами, и с женщинами.

Цинь Бао поморщился. С таким успехом его скоро назовут «универсальным дополнением» к любому актёру.

Цинь Бао производил впечатление серьёзного, трудолюбивого новичка. В шоу «Семьдесят два часа» у него было не так много экранного времени, но яркая внешность и искренность приковывали взгляды.

В одном из видео, которое запустилось автоматически, Вэй Ивэй кормил его ледяной стружкой с ложечки. В тот момент у Цинь Бао обе руки были заняты, вот он и принял угощение. Не ногами же ему было брать?! Он сам не видел в этом ничего особенного — просто обычный жест вежливости.

Но теперь фанаты нарезали целые ролики с их взаимодействием. Цинь Бао смотрел, как Вэй Ивэй на экране из кожи вон лезет, стараясь угодить ему, а монтажёр ещё и дорисовал на его лице румянец смущения.

«Какое, к чёрту, смущение?! Этот манговый лёд был ужасен на вкус! Если бы не камеры, я бы этот стакан вместе с ложкой выкинул!»

Но отрицать очевидное было сложно: Вэй Ивэй действительно относился к нему очень тепло. С самого первого выпуска он опекал его, а в серии с «Древним поместьем», когда Вэй Ивэй упал и не мог пошевелить ногой, он крепко сжал его руку.

Внезапно в голове Цинь Бао вспыхнула догадка.

«Неужели... я нравлюсь Вэй Ивэю?!»

Он опустил взгляд на экран: Вэй Ивэй держит над ним зонт, подаёт ему воду и не сводит с него глаз. Действительно, тот часто на него смотрел. В шоу Цинь Бао говорил мало, он не из тех, кто лезет в кадр без повода, но каждый раз, когда он открывал рот, Вэй Ивэй слушал его с таким вниманием и улыбкой, будто внимал откровению.

—...

Дверь открылась, и Лоу Фэй удивлённо на него посмотрела:

— Так и знала, что ты здесь. Чего застрял? Тренер уже ушёл, пора обедать. — Она нахмурилась. — Почему ты такой красный?

Подойдя ближе, Лоу Фэй увидела видео в его телефоне.

— Ох, даже не вздумай забивать себе голову ерундой. Этот Вэй Ивэй не в первый раз так себя ведёт. Ты ему не интересен.

Застигнутый врасплох, Цинь Бао вскочил с пола, чувствуя себя крайне неловко.

— В каком смысле — не в первый раз?

— Вечером скину тебе кое-какие фото в WeChat, сам посмотришь. Эх, ты ещё совсем ребёнок...

— Лоу Фэй со вздохом покачала головой и, не договаривая, потащила его в столовую.

<http://bllate.org/book/17537/1706016>